
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Woman in Russian Society

2019. No. 4. P. 41—52

DOI: 10.21064/WinRS.2019.4.4

Женщина в российском обществе

2019. № 4. С. 41—52

ББК 60.524.252

DOI: 10.21064/WinRS.2019.4.4

СОВРЕМЕННЫЕ МОТИВЫ СЕЛЬСКОГО ЖЕНСКОГО СОЦИАЛЬНОГО АКТИВИЗМА В ЗОНЕ НЕЧЕРНОЗЕМЬЯ

Е. А. Окладникова

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург, Россия, okladnikova-ea@yandex.ru

Рассматриваются характеристические признаки женского сельского социального активизма, результатом которого являются практики предпринимательства. Вызовы эпохи, ознаменовавшиеся сменой политического курса страны в конце 1990-х гг., дали мотивационный идейно-психологический импульс сельским социальным активисткам не только в области организации производственных практик, но и в сфере совершенствования духовной и культурной жизни умирающих сел Нечерноземья. Социальный активизм как форма жизнедеятельности социальных субъектов более характерен для людей, живущих в сельской местности, в отличие от гражданского активизма, свойственного урбанизированным, мобильным, образованным группам молодого и трудоспособного населения городов. Сельские социальные активисты, по сравнению с городскими, осуществляют более продолжительные по времени проекты. Позитивный, ориентированный на будущее вклад в социальное, духовное и экономическое развитие депрессивных сельских территорий вносят в особенности женщины. Мотивами женского активизма, обуславливающего предпринимательскую деятельность в сельской местности Русского Севера (Вологодская и Ленинградская области), стали 1) традиционно позитивное отношение к феномену женской внесемейной производственной активности у населения отдаленных районов Вологодской земли, не знавшего крепостного права; 2) стремление выйти из сложного экономического положения, в котором оказались женщины в постперестроечной России; 3) реалии административно-правовых отношений современного либерально-демократического общества, в которых продолжает существовать «стеклянный» и «серебряный потолок» для социально активных женщин, а также психологически мотивированное желание женщин-предпринимательниц их преодолеть; 4) духовные установки на совмещение производственно-материальной деятельности и работы в области сохранения и развития историко-культурного наследия Нечерноземья, основанных на ясном понимании значения духовной культуры сокращающегося сельского населения.

Ключевые слова: социальный активизм, гражданский активизм, села Нечерноземья, мотивы женского предпринимательства, женское предпринимательство как социально-экономический и духовный феномен, характеристические особенности и повседневные практики сельских активистов, проекты развития сельских территорий.

**MODERN MOTIVES OF RURAL WOMEN SOCIAL ACTIVISM
IN THE AREA OF NECHERNOZEMIE***E. A. Okladnikova*Herzen State Pedagogical University of Russia,
St. Petersburg, Russian Federation, okladnikova-ea@yandex.ru

The article deals with the characteristic features of women's rural social activism, the result of which is the practice of entrepreneurship. Challenges of the era, marked by a change in the political course of the country in the late 1990's, gave ideological and psychological impetus to the motivation of rural social activists not only in the organization of production practices, but also in the improvement of the spiritual and cultural life of dying villages in Nechernozemie. Social activism as a form of life activity of social actors is more typical for people living in rural areas, in contrast to civil activism, characteristic of urbanized, mobile educated groups of young and able-bodied population of cities. Rural social activists carry out projects that are more time-consuming and far-reaching in terms of time prospects than urban activists. Rural social activists, especially women, make a positive, future-oriented contribution to the social, spiritual and economic development of depressed rural areas. The motives of women's activism resulting in entrepreneurial activity in the rural areas of the Russian North (Vologda and Leningrad regions) were: 1) traditionally positive attitude to the phenomenon of women's extra-family production activity in the population who did not know the serfdom (remote areas of the Vologda region); 2) the difficult economic situation in which women found themselves in post-perestroika Russia; 3) the realities of administrative and legal relations of modern liberal democratic society, in which there continue to be "glass" and "silver ceilings" for socially active women, as well as psychologically motivated desire of women entrepreneurs to overcome these barriers; 4) spiritual guidelines for the combination of production and material activities and work in the field of preservation and development of historical and cultural heritage of rural regions of the North of Russia, based on the clear understanding of the importance of spiritual culture for the reducing rural population.

Key words: social activism, civil activism, rural territories of Nechernozemie, motives of women's entrepreneurship, women's entrepreneurship as a socio-economic and spiritual phenomenon, characteristic features and daily practices of rural activists, rural development projects.

Введение

Немногим более 100 лет назад Россия была аграрной страной. Общий закон развития социальных систем в XX в., с его трендами на ускорение темпов индустриализации и урбанизации, для России имел последствием запустение и деградацию русской деревни. Особенно сильно пострадали Русский Север и Нечерноземье. Тысячи деревень Вологодской, Новгородской, Ленинградской и других областей северо-запада России прекратили свое существование. Обезлюдели крупные еще недавно, в 1950-х гг., села Нечерноземья, а многочисленные агрогорода Ленинградской области превратились в «гибрид» городских спальных районов и рекреационных зон для пенсионеров.

В ходе социально-антропологических исследований (2014—2019 гг.), проводимых нами в Ленинградской и Вологодской областях, довелось отметить

любопытный факт. Жизнь теплилась в тех сельских населенных пунктах, где работали женщины-предпринимательницы, при местной администрации действовали женсоветы, отмечалась активность женщин — знатоков традиционной русской культуры (создательницы частных этнокультурных музеев). Это наблюдение побудило нас приступить к сбору материалов о женском сельском социальном активизме как движущей основе развития сельских сообществ.

Целью нашего исследования стало выявление мотивов женского сельского социального активизма в зоне Нечерноземья.

Последние 5 лет мы проводили систематические историко-культурные и социально-антропологические исследования на северо-западе России [Окладникова, 2018, 2019]. Предметами нашего научного интереса были 1) представления сельских жителей Ленинградской и Вологодской областей об образе их малой родины (аггород, село, деревня); 2) способы картографирования ими социокультурных ландшафтов обжитых территорий; 3) проекты будущего сельских жителей Ленинградской и Вологодской областей. В результате к началу 2019 г. в нашем распоряжении оказался обширный объем материалов (297 транскриптов глубинных интервью), анализ которых позволил поставить новую для нас проблему исследования, которую в общих чертах можно обозначить как гендерный аспект сельского социального активизма.

В ходе проведенных в 2018—2019 гг. культурно-социологических исследований в Вологодской и Ленинградской областях мы получили еще 51 новое глубинное интервью, что дало возможность выявить и проанализировать мотивы именно женского предпринимательства на северо-западе РФ, актуальные в современных условиях. Социологические портреты многих наших респонденток — сельских жительниц зоны Нечерноземья, особенно живущих в Вологодской области, не вписываются в узкие рамки классических портретов урбанизированных бизнес-леди, работа которых полностью вписана в рынок, а повседневная жизнь разделена на работу в офисе по организации бизнес-процессов, досуг с семьей и хобби. Сельские активистки-предпринимательницы, с которыми мы общались, представляют вполне самостоятельную, во многом особенную социальную группу современного российского общества. Их базовой характеристической чертой, отличной от черт городских бизнес-леди, является сохраненная именно сельским образом жизни особенность, которую мы можем обозначить как духовно (более, чем материально) мотивированный на созидательную работу социальный активизм. Эта черта, заметим, проявлялась в наших беседах со всеми респондентами — представителями предпринимательского сельского сообщества, как мужчинами, так и женщинами. Это были люди разного возраста, уровня образования и профессиональной специализации, но они были объединены общей установкой на реализацию не только своей, личной активности, но, главное, — коллективной социальной активности.

Остановимся на социологических портретах и описании мотивов социальной активности нескольких выдающихся женщин-предпринимательниц Ленинградской и Вологодской областей, которые мы выбрали в качестве модельных. В современной социологической теории понятия «социальная активность граждан», «социальный активизм» и «гражданский активизм», хотя и имеют точки соприкосновения в поле операционализации, разводятся в пространствах

широкого и узкого толкования смыслов [Трофимова, 2015; Коробова, 2019; Granovetter, 1983]. Наши исследования в Вологодской и Ленинградской областях показали, что сегодня в жизни российского общества имеет смысл выделять два типа социальной активности. Первый — *гражданский активизм*, т. е. гражданское протестное активное/латентное поведение. Активный вариант гражданского поведения в городской среде, особенно в мегаполисах, проявляется в акциях массовых протестов. Это протестные движения, лозунгами которых являются требования обманутых дольщиков, защитников окружающей среды, политически ориентированной молодежи, в том числе и флэшмобы. Латентные проявления гражданского активизма в городах реализуют практики общественных движений — веганство, дауншифтинг и др. Второй тип — *социальный активизм*, т. е. социально активное поведение групп людей, практики которого не предполагают проведения сплоченных мобильных акций (пикеты, демонстрации, флэшмобы).

Первый тип социальной активности — гражданский активизм — можно назвать *«социально-спринтерский»* (в социальной жизни общества активизм такого рода проявляется спонтанно, ярко, а достигнув поставленной политической или экономической цели, исчезает, исчерпав себя). Второй же тип социальной активности — в нашем случае женский сельский социальный активизм — обладает *«социально-стайерской»* формой (выражается в проявлении активной жизненной позиции социальных активистов в повседневных практиках сельских сообществ, членами которых являются активисты в течение всей их жизни, начиная с рождения и кончая глубоким пенсионным возрастом).

Фокус наших культурно-социологических исследований в Вологодской и Ленинградской областях (2018—2019 гг.) был сосредоточен именно на втором типе социального активизма — сельском, женском, «социально-стайерском».

Наиболее распространенными формами сельского социального активизма являются различного вида волонтерские движения, индивидуальная предпринимательская деятельность, женсоветы, движения по сохранению истории и культуры родного края (создание частных этнографических музеев, работа сельских фольклорных коллективов, проведение деревенских «хэппенингов» — фестивалей народного творчества).

Методика исследования

Методика нашего исследования — нарративное интервью. В полевой работе мы опирались на метод насыщенного описания К. Гирца. Этот метод сбора полевой информации, конечно, весьма затратен с точки зрения времени (каждое интервью длилось 2 часа и более) и сил информантов и исследователей. Психологическая перегрузка информантов была вызвана неизбежными яркими эмоциональными переживаниями, которые испытывали респонденты, рассказывавшие историю своей не всегда радужной жизни. Женщины вспоминали о любимых, но давно умерших родственниках, жизненных неудачах, испытанных по вине властей несправедливостях и потерях. Чем больше мы разговаривали как с женщинами, так и мужчинами предпринимателями, тем более ясным становилось, что их представления о социальном активизме обладают немалой символической нагрузкой. Обработывая собранные полевые материалы, мы

использовали не только общесоциологические классификационные и типологические методики. Так, анализируя транскрипты интервью, мы применяли контент-анализ, а при формулировке выводов опирались на узкий спектр структурно-семиотических методов. Мы осознавали, что работали со смыслами, которые мотивировали наших респондентов к предпринимательской деятельности в современных условиях сельской жизни. К сожалению, эти условия отличаются неопределенностью, противодействием местных властей, а в отношении женщин-предпринимательниц часто сопровождаются непониманием со стороны мужской части деревенского сообщества.

Характеристика выборки

В силу обстоятельств в период полевого исследования выборка строилась методами доступных случаев и снежного кома. В итоге она выглядела следующим образом: 20 женщин и 7 мужчин (Ленинградская область), 15 женщин и 9 мужчин (Вологодская область) трудоспособного возраста (38—60 лет), всего 51 человек. Мы собирали материал в беседах с двумя группами респондентов: 1) экспертами пенсионного возраста (60—80 лет); 2) трудоспособными информированными людьми, которые сегодня активно участвуют в жизни своего муниципального образования и Нечерноземья в целом. Первая группа респондентов охотно предоставляла в наше распоряжение материалы личных архивов, непосредственно связанные с их личной историей, трудовой деятельностью, а также раскрывающие смысловые константы их жизненных установок.

Полевые исследования проводились посредством гайда, где вопросы были распределены по 3 смысловым блокам, целью которых было выявление социально активного поведения респондентов и его выражения в их трудовой деятельности: позитивные воспоминания о трудовой жизни, негативные воспоминания, воспоминания респондентов о самых ярких событиях в их трудовой жизни. Вопросы касались 1) методов управления своими жизненными стратегиями; 2) способов реализации ими своего творческого и активистского потенциала, которые предоставляла им окружающая социальная среда; 3) перестройки социальной и экономической жизни в стране в 1990-х гг., ситуаций, связанных с торможением и затуханием социального активизма в 2000-х гг.; 4) оценки их трудового предпринимательского вклада в социально-экономическое развитие страны.

Новизна проведенного исследования заключается в том, что качественные методы социологического исследования (глубинное и биографическое интервью) позволили осмыслить собранный эмпирический материал, например связанный с технологиями создания нового типа личности — строителя социалистического общества в СССР (большинство наших респондентов живут в сельской местности Ленинградской области и были людьми советской эпохи). Анализируя рассказы респондентов Вологодской и Ленинградской областей, мы сделали попытку рассмотреть полученный материал в системе научных теорий, описывающих социальные технологии изменения человека.

В качестве модельных объектов, на которых был сосредоточен исследовательский фокус, мы выбрали трех социальных активисток — наших респонденток на протяжении 4 лет. Это женщины среднего и пожилого возраста

(38—55 лет), с разным уровнем образования, проживающие в Ленинградской области (Р. Н. Петрова и В. Ф. Бабкина) и Вологодской (В. Н. Погожева). Всех их объединяет участие в предпринимательской деятельности, интерес к истории родного края, участие в организации и поддержке краеведческого движения.

Результаты исследования

Валентина Николаевна Погожева — президент благотворительного фонда «Тарнога» и лидер историко-патриотического движения «Деревня — душа России». Она также член общественной палаты Вологодской области, лауреат премии Общественной палаты РФ «Я — гражданин». В. Н. Погожева входит в состав президиума женсовета Тарногского муниципального района. Она разработала общественный проект «Деревня — душа России», представила его на грант и получила многолетнюю финансовую поддержку. Цель проекта — пропаганда здорового, экологически ориентированного образа жизни сельского населения Вологодчины. Реализация проекта заключается в проведении долгосрочной серии мер, способствующих развитию деревенских сообществ как социальных пространств, сохраняющих и воспроизводящих традиции и моральные устои русского народа. Проект направлен на упрочение и совершенствование базиса национальной русской идентичности, контроль территории и целостности государства. Одной из субцелей проекта является формирование и поддержка продовольственной независимости россиян за счет вовлечения сельских жителей в общественную деятельность по развитию сельских территорий России и реализации ими социально полезных и важных инициатив. Проект «Деревня — душа России», инициированный и разрабатываемый В. Н. Погожевой, вошел в состав приоритетных направлений «Стратегии социально-экономического развития Вологодской области до 2030 года». В. Н. Погожева на личном опыте реализует задачи проекта, налаживая отношения бизнеса и власти (при этом ей приходится постоянно преодолевать непонимание и алчные интересы как местной власти, так и соседей по деревне); прилагает повседневные усилия для создания и поддержки практики малых дел (организовала собственный этнографический музей у себя в старинном сельском доме); поддерживает личным участием тарногские ресурсные центры, работающие на базе муниципальных учреждений (выставки изделий деревенских мастериц, фестивали народного творчества, выступления самодеятельных песенных и танцевальных коллективов).

Аналогичную работу по сохранению культурного наследия вепского народа долгие годы ведет *Валентина Фёдоровна Бабкина* в деревне Монастырьки Кингисеппского района Ленинградской области. С 1997 по 2005 г. В. Ф. Бабкина была известным в районе частным предпринимателем и активно вела овощеводческое хозяйство. Параллельно она постоянно занималась сбором этнографических артефактов в окрестных деревнях. Собранные предметы старинного быта (домашняя утварь, мебель, ткани, одежда) она разместила в старом вепском доме своих родителей в деревне Монастырьки. Ее частный этнографический музей открыт для туристов. Сегодня в качестве базы его используют социальные антропологи и этнографы исторического факультета СПбГУ, с которыми Валентина Фёдоровна тесно сотрудничает. Недавно В. Ф. Бабкина открыла в соседней

деревне Котлы еще один частный музей — военно-исторический. Основой его собрания стали исторические артефакты времен Великой Отечественной войны, сохраненные местными жителями и найденные непосредственно на Ижорской возвышенности. В. Ф. Бабкина в свои 86 лет мобильна и очень деятельна. Она управляет личным автомобилем, поддерживает отношения с органами муниципальной власти, но их финансовой помощью не пользуется. Взаимоотношения В. Ф. Бабиной с ними в последние годы не строятся на принципах инициативного бюджетирования. По ее словам, дела пока идут неплохо, так как никакой зависимости (ни финансовой, ни бюрократической) от властей она не испытывает.

Ярким представителем когорты социальных активистов Ленинградской области является *Римма Николаевна Петрова*. Уже не один год она занимается выращиванием африканского клариевого сома на собственной ферме в деревне Беседа. В 1990-х гг. совместно с голландцами она организовала рыбоводческое фермерское хозяйство. Сегодня Р. Н. Петрова успешно ведет дела силами небольшого коллектива из 4 местных сотрудников. Несмотря на далеко не промышленные размеры производства, бизнес Риммы Николаевны известен не только в деревне Беседа, но и во всем Волосовском районе. Как депутат Волосовского Совета депутатов Р. Н. Петрова постоянно выступает с проектами совершенствования культурной и духовной жизни Волосовского района. Она приняла самое непосредственное участие в финансировании проекта возрождения храма в деревне Ястребино, сохранении дома-музея антифашиста Б. Вильде — участника французского Сопротивления. Р. Н. Петрова является инициатором возрождения знаменитого сельскохозяйственного училища в деревне Беседа, построенного еще баронами Веймарнами и активно функционировавшего в советский период. Она поддерживает ресурсные центры региона, занятые развитием культуры территории (организует фестивали и праздники народного творчества). В личных беседах Р. Н. Петрова много рассказывала нам о сложностях и перипетиях своих отношений с муниципальными и районными властями, тормозившими ее предпринимательскую деятельность и ограничивавшими поддержку мероприятий по духовному и культурному возрождению края.

На фоне современного общего запустения и развала бывшего советского пищевого сектора, краха проекта агрогородов, запустения, а в лучшем случае превращения сельскохозяйственных угодий в дачные поселки или зоны коттеджных застроек, разрозненная деятельность социальных сельских активистов может быть описана как позитивно ориентированное на сохранение и развитие территорий российского северо-запада социальное движение. Финансовой основой их активности в материальной и нематериальной сферах является инициативное бюджетирование. Предпринимательская деятельность В. Н. Погожевой, Р. Н. Петровой, В. Ф. Бабиной в разное время в рамках инициативного бюджетирования поддерживалась либо государством (В. Н. Погожева), либо иностранными и российскими фондами (Р. Н. Петрова). Сложности взаимоотношений, которые в результате осуществления такого рода финансовой поддержки работы сельских социальных активистов возникали и возникают ежедневно, — отдельная тема. В качестве составляющих проблемы такого научного исследования можно обозначить следующие моменты: 1) недостаток или отсутствие доверия

между социальными активистами и властью разного уровня, включая местную власть; 2) постоянное давление на социальных активистов со стороны местной власти, явно или тайно требующей «откатов» разного размера; 3) недостаточное влияние позитивных идей, продвигаемых социальными активистами, в среде местного населения, с чем часто бывает связано тайное завистливое отношение к их успешной работе; 4) апатия и патерналистские настроения социальной среды, в которой работают сельские социальные активисты; 5) негативное отношение к ценности труда в современном российском обществе, установка общественного сознания на бездумный консьюмеризм; 6) отсутствие у современного сельского молодого поколения ясного понимания проекта национального будущего.

Основные результаты проведенных исследований могут быть представлены следующим образом:

— позитивные идеи, определяющие смысл жизни и мотивы работы социальных активисток Вологодской и Ленинградской областей, были сформированы в системе крестьянских ценностей (крепкая семья; установка на достижение жизненных благ упорным повседневным трудом; материалистическое мировоззрение, у женщин легко уживавшееся с элементарными мистико-религиозными идеями и народными суевериями). Позитивные установки поддерживаются особенностями ориентированного на оптимистический взгляд в будущее, жизнестойкого психотипа респондентов, чувством юмора и стремлением к здоровому образу жизни. Абсолютное большинство респондентов, как женщин, так и мужчин, не имели вредных привычек (алкоголизм, курение и др.), на протяжении всей жизни следили за своим здоровьем (совмещали народную и аллопатическую медицину), отличались склонностью к «работоголизму», имели среднее или высшее образование, обладали развитым социальным интеллектом и хорошими природными коммуникативными навыками. Как правило, они большое внимание уделяли обустройству дома и личного хозяйства, своему сельскому бизнесу (лесопилка, овощеводческое хозяйство, ферма по промышленному выращиванию рыбы, коров, птицы), заботились о процветании поселения, в котором жили и вели бизнес (создавали частные этнографические музеи, восстанавливали храмы, улучшали дороги, открывали торговые сети, занимались благотворительной деятельностью и организовывали волонтерские движения (например, проводили субботники);

— наибольшую сложность для наших респондентов — социальных активистов представлял ответ на вопрос о негативных моментах их личной истории и производственной деятельности. На наш вопрос, почему они испытывают такое затруднение, они отвечали, что у них «как и в молодости, все хорошо». Но потом, поразмыслив, начинали вспоминать негативные моменты, связанные с трагическими событиями, которые выстраивались в следующую иерархию: 1) драматические случаи в производственной или организационно-деловой практике (смерть сотрудника на работе, несчастный случай, болезнь, пожар на производственных площадях, падеж скота, эпизоотии и др.); 2) сложные коллизии и бюрократические препоны, возникавшие в отношениях с властями, как в советское время, так и сегодня. Притом большинство респондентов советское время вспоминали с теплотой и удовольствием, в отличие от современного этапа

своей жизни. По их мнению, жизнь на селе в советское время, несмотря на тяжелые условия труда, дефицит обеспечения в сфере торговли, была значительно лучше, чем сегодня, а власть была ориентирована на поддержку их социальных инициатив. Сегодня государственная власть устранилась от решения проблем, которые возникают в их производственной деятельности на селе, а экономические условия и разительно изменившийся социальный ландшафт постоянно создают угрозу разрушения их инициатив; 3) трагические события в семье, связанные с болезнью или смертью близких;

— самыми яркими впечатлениями для женщин — сельских активисток, важными моментами личной истории были детские и юношеские воспоминания, в которых красной нитью просматривалась установка на повышение образовательного уровня, получение конкретной, связанной с работой на селе специальности (учитель, агроном, зоотехник, экономист, культработник). Большинство респонденток рассказывали нам о ярких позитивных переживаниях, которые они испытали в моменты общения с природой (во время походов в лес, работы в поле, на сенокосах), в общении друг с другом (работа в сельских женсоветах, организация праздничных мероприятий в сельских клубах). Наиболее яркие позитивные воспоминания у них связаны с теми моментами, когда они занимались творческой созидательной деятельностью (работа по обустройству поселений, создание сценариев деревенских праздников, сохранение культурного наследия и памятников местной старины, общение со старшими родственниками — матерями, бабушками).

Заключение

Думается, на основе анализа интервью даже 3 выбранных модельных объектов можно сделать несколько выводов обобщающего характера. Сельский социальный активизм («стайерский») ориентирован на длительную созидательную работу в зоне Нечерноземья. Основными направлениями этой работы являются: 1) поддержание и по возможности подъем экономической жизни села; 2) сохранение культурного наследия (материального — памятники, исторические ландшафты и нематериального — традиции, фольклор); 3) создание музейного фонда традиционной как русской, так и финно-угорской культуры посредством образования частных этнографических музеев; 4) широкая пропагандистская деятельность путем организации общественных историко-культурных движений и создания просветительных организаций (например, культурно-просветительное движение «Деревня — душа России» в Вологодской области, поддержанное на государственном уровне).

Базовыми мотивами женского социального активизма и связанными с ним мотивами предпринимательства являются: 1) стремление выйти из сложного положения, связанного с сильным социально-экономическим потрясением, обусловленным сменой политического курса страны в конце 1990-х. Многие женщины потеряли работу, столкнулись с нищетой, пережили кризис (распад) семей, оказались перед необходимостью в одиночку поднимать детей; 2) желание женщины — сельской предпринимательницы преодолеть «стеклянный потолок», который предполагает понижение статуса женщин-руководителей в пространстве обыденной управленческой среды, с частым

возникновением ситуаций, когда формальным руководителем производства выступает мужчина, а по факту всю работу выполняет женщина; 3) стремление преодолеть «серебряный потолок»: многие предпринимательницы рассматривались односельчанами как мамы и бабушки, место которых — у печки с внуками; 4) желание женщин-предпринимательниц, организовавших собственное производство, принять участие в обустройстве духовной и культурной жизни своей малой родины (реализация собственными силами проектов восстановления и строительства храмов в своих деревнях, проведение этнических фестивалей и праздников народного творчества, становление и распространение практик здорового образа жизни, создание частных этнографических музеев и др.).

В силу того что деревни в вологодской глубинке вымирают, значительно повысился возраст сельских социальных активисток — женщин-предпринимательниц. Если в Российской Федерации средний возраст женщин-предпринимательниц колеблется между 25 и 45 годами [Гильманова, 2008], то в селах Вологодской и Ленинградской областей он составляет 38—60 лет. Уровень дохода от их предпринимательской деятельности невысок, но позволяет поддерживать средний достаток семьи. Распространенной поговоркой в их среде является старый русский купеческий афоризм «Копейка рубль бережет», а прибыль от реализации относительно небольших партий продукции исчисляется 5—30 %. Причем реализация продукции, договоры с поставщиками, отчетность осуществляются самими предпринимательницами. Для организации выставочных и музейных помещений они часто приспособливают личные придомовые территории в своих селах.

Инициаторы социальной активности на селе ведут повседневную кропотливую работу по изменению окружающего их социального и природного ландшафта с установкой на совершенствование социальной, экономической, а главное, духовной среды обитания. Они используют для продвижения и реализации своих начинаний в сельской местности иные методики, чем гражданские активисты в городской среде. Основное отличие их рабочей методологии от методологии осуществления социальных перемен, проводимой активистами в городских условиях, является установка не на акциональность (организовали и провели акцию, устроили демонстрацию или пикет), а на повседневную монотонную работу (часто в одиночку) в выбранном направлении. Если работа городских активистов бывает символически маркирована и спонтанно проявлена, то работа сельских социальных активистов тесно сопряжена с повседневностью, укоренена в ней. Она как бы сливается с социально-экономическим ландшафтом Нечерноземья. Эта работа может быть и не так заметна на фоне пустеющих деревень, заброшенных промышленных зон и стареющих агрогородов, но она существует и, как нам представляется, востребована обществом.

Женское предпринимательство в зоне Нечерноземья воспринимается общественным сознанием как норма жизни. Женский бизнес наравне с мужским вносит свой вклад в поддержание социальных, духовных и экономических основ села. Для сравнения: мужское предпринимательство развивается в лесной промышленности, машинно-тракторной отрасли, полеводстве (картофель), молочной отрасли; женское предпринимательство — в звероводстве, рыбоводстве, полеводстве и молочной отрасли. Объемы сельского мужского

предпринимательства несколько больше, чем женского. Как мужское, так и женское предпринимательство испытывает равное давление со стороны финансовых и налоговых органов, а также местных структур власти. В преодолении этого вида барьеров в производственной активности большим подспорьем являются навыки женского коммуникативного взаимодействия.

Библиографический список

- Гильманова Г. Х. Развитие женского предпринимательства в условиях трансформации российского общества: социологический анализ. 2008. URL: <http://www.dissercat.com/content/razvitie-zhenskogo-predprinimatelstva-v-usloviyakh-transformatsii-rossiiskogo-obshchestva-so> (дата обращения: 12.07.2019).
- Коробова О. О. Социально-экономические факторы предпринимательской деятельности женщин // Гендерные отношения в современном мире: управление, экономика, социальная политика. Иваново: Ивановский государственный университет, 2019. С. 161—167.
- Окладникова Е. А. Образ агрогорода в представлениях его жителей // Социальная антропология города: культурное, социальное и хозяйственное пространство. СПб.: Л-Принт, 2018. С. 89—107.
- Окладникова Е. А. Социальная история птицефабрики «Лаголово» глазами местных жителей. СПб.: Л-Принт, 2019. 421 с.
- Трофимова И. Н. Гражданский активизм в современном российском обществе: особенности локализации // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 72—77.
- Granovetter M. The strength of weak ties: a network theory revisited // Sociological Theory. 1983. № 1. P. 56—83.

References

- Gil'manova, G. Kh. (2008) *Razvitie zhenskogo predprinimatel'stva v usloviakh transformatsii rossiiskogo obshchestva: Sotsiologicheskii analiz* [The development of women's entrepreneurship in the transformation of Russian society: A sociological analysis], available from <http://www.dissercat.com/content/razvitie-zhenskogo-predprinimatelstva-v-usloviyakh-transformatsii-rossiiskogo-obshchestva-so> (accessed 12.07.2019).
- Granovetter, M. (1983) The strength of weak ties: a network theory revisited, *Sociological Theory*, no. 1, pp. 56—83.
- Korobova, O. O. (2019) *Sotsial'no-ekonomicheskie faktory predprinimatel'skoĭ deiatel'nosti zhenshchin* [Socio-economic factors of women's entrepreneurship], in: *Gendernye otnosheniia v sovremennom mire: upravlenie, ekonomika, sotsial'naiia politika*, Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 161—167.
- Okladnikova, E. A. (2018) *Obraz agrogoroda v predstavleniakh ego zhitelei* [The image of the agricultural city in the views of its inhabitants], in: *Sotsial'naiia antropologiia goroda: kul'turnoe, sotsial'noe i khoziaistvennoe prostranstvo*, St. Petersburg: L-Print, pp. 89—107.
- Okladnikova, E. A. (2019) *Sotsial'naiia istoriia pitsefabriki "Lagolovo" glazami mestnykh zhitelei* [The social history of the Lagolovo poultry farm through the eyes of local residents], St. Petersburg: L-Print.

Trofimova, I. N. (2015) Grazhdanskiĭ aktivizm v sovremennom rossiĭskom obshchestve: osobennosti lokalizatsii [Civil activism in modern Russian society: features of localization], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 4, pp. 72—77.

Статья поступила 12.08.2019 г.

Информация об авторе / Information about the author

Окладникова Елена Алексеевна — доктор исторических наук, профессор кафедры социологии и религиоведения, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, okladnikova-ea@yandex.ru (Dr. Sc. (History), Professor at the Department of Sociology and Religious Studies, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation).